

... В военное время правда столь драгоценна, что её должны охранять караулы лжи ...

Разумеется, наёмника быстро раскололи при помощи наводящих вопросов, притворного дружелюбия и ряда иных довольно простых психологических манипуляций.

Собственно, от него Ганнибал то и узнал, что он возглавлял отряд наёмников, набранных в Панэллинском союзе. Кроме того, от него же карфагенский полководец узнал и о том, что их, если только командиру наёмников не изменяет память, было что-то около нескольких десятков тысяч.

Наконец, для Ганнибала всё стало на свои места. Внезапно появившийся у берегов Лигурии римский флот в триста кораблей, построенный всего за семь месяцев, многочисленные греческие наёмники из Панэллинского союза, а затем ещё один крупный флот...

Всё это, разумеется, предстало ныне перед Ганнибалом в виде целостной картины. Теперь не было никаких сомнений – Панэллинский союз играет на две стороны.

Мотив же, очевидно, был в том, чтобы истощить обе стороны и после уже вступить в конфликт, дабы разрешить его в свою пользу. Только эта версия объясняла странное поведение карфагенского Сената, который, как теперь уже стало очевидно, был куплен с потрохами.

Впрочем, самая драма и заключалась в том, что Ганнибал с самого начала не ожидал от Панэллинского союза каких-либо действий бескорыстного характера, но всё же был обманут царём эллинов.

«Введённый в заблуждение его непонятными действиями, он потерял бдительность и упустил из виду даже столь очевидный обман» – вероятно, что-то подобное и витало в мыслях великого полководца, судя по донесениям от своих шпионов.

И да, сразу же успокою волнующихся – интенций устроить какую-либо хитрую схему, и с её помощью обвести Ганнибала вокруг пальца, у меня не было – так уж просто сложились обстоятельства. В любом случае, печален был карфагенский военачальник. Очевидно, уже поздно было что-либо делать.

Представшая перед гражданами Карфагена в качестве истинных спасителей отечества, да ещё и обладающая широкими финансовыми возможностями благодаря её щедрому спонсору, оппозиционная Баркидам партия была сильна, как никогда.

Очевидно, партия эллинофилов, да ещё и находящаяся в полной оппозиции к нему, моментально пресекла бы любые его попытки прекратить тлетворное и разлагающее влияние Востока.

Особенно теперь, когда его выставили чуть ли не главным предателем, ответственным за все

поражения Карфагена в войне, когда снова пошли пересуды о том, что его отец, Гамилькар, предал интересы Карфагена, заключив «позорный» мир, закончивший Первую Пуническую войну.

Глупцы, это так, но что с них взять – люди по своей природе глупы, ненадёжны, жадны, завистливы и переменчивы. Стоит признать, весьма удобные их качества, если учесть тот факт, что только и только благодаря оным я сумел, фактически, развалить Карфаген изнутри.

Очевидно, Карфаген был на пороге гражданской войны. Знаменитый представитель рода Баркидов только и ждал момента, когда карфагенский Сенат призовет его к себе на ковёр, чтобы тут же выступить против его воли, но этого, как ни странно, не случилось.

Ганнибалу было лишь велено более не ошибаться в своих военных действиях. Удивлённый этим, он попытался расколоть истинный смысл этого – то ли в Сенате сидят истинные глупцы, его недооценивающие, то ли в этом есть какой-то замысел уже раскрытого им кукловода.

Очевидно, карфагенский полководец даже и не догадывался, что он имеет дело с человеком, что прекрасно знает все его приёмы и располагает абсолютным знанием о том, чего от него можно ожидать.

С другой стороны, он не мог даже представить, что бы бешеные гиены, обитающие в столице, не воспользовались столь подходящим моментом для того, чтобы перегрызть ему глотку.

Собственно, так и продолжил Ганнибал ломать свою голову, совершенно не понимая, почему же его не тронули. Впрочем, делать было всё же нечего – в текущей ситуации он мог только побеждать.

Только добывая победу за победой, он мог восстановить свою репутацию и политический вес, а потому он с вдвое большими усилиями стал готовиться к грядущим боевым действиям.

Разумеется, даже не осознавая, что тем самым он лишь следует воле того, кто его в это положение и поставил. Впрочем, не то чтобы у него был выбор – в этой игре он лишь чужая марионетка, судьба которой была давно уже установлена.

Ну, а римляне, примерно в то же самое время, пока Ганнибал ломал голову над тем, как же ему теперь относиться к контингентам из Панэллинского союза и как бы победить римлян, лишь сильнее погружались в омут долгов.

Очевидно, пятьдесят тысяч тонн пшеничного зерна, суммарные десять тысяч тонн птицы, свинины, говядины, конины и другого мяса, пять тысяч тонн бобовых, а также многие другие сельскохозяйственные продукты – удовольствие далеко не дешёвое.

Как не трудно догадаться, всё это было приобретено римским Сенатом в Панэллинском союзе в

кредит, так как основная часть средств уходила на создание военной инфраструктуры, содержание армии и обслуживание собственных финансовых обязательств.

В частности, на обслуживание довольно внушительных краткосрочных и долгосрочных обязательств перед частными лицами из Панэллинского союза.

В конце концов, не государство же производило на экспорт все те многочисленные вооружения, строительные материалы, сельскохозяйственные продукты и прочие товары, что требовались римлянам для дальнейшего ведения войны.

Тем более, что недавняя потеря Цизальпинской Галлии сильнее всего ударила по римской экономике, ещё сильнее усилив зависимость Рима от импорта.

Ну, а так как импорт был в кредит, ведь имеющейся валюты не хватало было недостаточно для обеспечения столь крупных масштабов, то внешний долг Римской республики рос не по дням, а буквально по часам.

Вместе с ним, таким образом, рос буквально по часам и вес моих слов в Италии. По факту, текущее могущество республики во многом основывалось на моём благоволении, что, разумеется, сильно отражалось на характере дипломатических сношений.

Впрочем, к текущему моменту мои ресурсы, в общем-то, закончились, по большей части, и их восстановление требовало довольно длительного времени.

Даже несмотря на то, что мне более не нужно было содержать многочисленных наёмников в римской армии и карфагенский флот, так что да, я перешёл к пассивным действиям.

Разумеется, щедрых предложений начала войны уже не было. Впрочем, многие удобства для них, всё же, остались доступны. В частности, обеим сторонам всё ещё были доступны крупнейшие верфи Средиземного моря, позволяющие создавать крупнейшие флоты в кратчайшие сроки.

Правда, теперь римский и карфагенский Сенат приобретали кредиты для строительства флотов не у Центрального Банка Панэллинского союза, а у частных банков.

В основном, правда, у крупнейших банков. Хотя, периодически им приходилось брать кредит и у спонтанно сформировавшихся добровольных объединений более мелких банков, решивших объединить свои ресурсы для кредитования.

Конечно же, это было очень опасно с точки зрения стабильности кредитного рынка, ведь крах одной из сторон привёл бы к краху всей банковской системы в любом случае, а потому очень быстро наступило государственное регулирование.

В результате, государству в лице меня всё же пришлось организовать схему по перекладыванию финансовых рисков с частных банков на государственный бюджет.

Таким образом, теперь и Карфаген, и Рим брали кредиты не у частных банков напрямую, а у Центрального Банка Панэллинского союза, как и прежде, но под процент.

Центральный банк Панэллинского союза, в свою очередь, уже самостоятельно приобретал кредиты у частного банковского сектора, тоже под процент.

Разумеется, под разумный процент, устраивающий и кредитуемое лицо, и кредитующее лицо. В свою очередь, уже Центральный Банк, выступающий в отношении Рима и Карфагена кредитующим лицом, устанавливал примерно равный, но чуть меньший процент, чтобы устраивать кредитуемые лица.

Отрицательное сальдо по этим операциям Центральный Банк, таким образом, компенсировал за счёт постепенного сокращения финансовых обязательств частного банковского сектора.

Таким образом, Центральный Банк преследовал своей целью оздоровить финансовое положение крупнейших банков. За чей счёт? Разумеется, за счёт налогоплательщиков! Как-никак, отрицательное сальдо по упомянутым ранее операциям было, по сути, переложено на них.

Впрочем, не то чтобы это действительно имело какое-либо значение для кого-либо, ведь налогоплательщиков об этом никто не предупредил. Да и они сами, разумеется, никаких видимых изменений, по вполне понятным причинам, не сумели обнаружить.

Единственными недовольными по итогу оказались сами римляне и карфагеняне, недовольные «изменой» союзника, но, так как возможностей как-либо повлиять на «чёртовых эллинов» у них не было, им пришлось просто смириться со сложившимся положением дел.

В любом случае, война всё ещё продолжалась, а потому, собственно, мы и возвращаемся к ней. Хотя, не то, чтобы в её продолжении было что-то особенно интересное.

Если, конечно, не считать разгрома очередной римской армии от рук Ганнибала. Попавшее в засаду римское войско, направлявшееся навстречу Ганнибалу в Цизальпинской Галлии, оказалось полностью уничтожено.

Собственно, оно и неудивительно – римское войско просто не успело развернуться в боевые порядки, а потому встретило натиск врага в походной колонне.

Разумеется, находясь в подобной формации, римляне просто не сумели что-либо противопоставить противнику, тем более, что они находились на неудобной позиции.

Впрочем, было кое-что хорошее, всё же, в победе карфагенян для Рима. Заключалось это что-то хорошее в том, что Ганнибал совершил безумство, ведь, чтобы обойти Гая Фламиния, занявшего укрепленные позиции у Арреция, он вынужден был маршем пройти через густые леса и болота.

Потеряв около восемнадцати тысяч человек по пути в течение всего лишь одного четырёхдневного марша, он добился того, что перерезал пути сообщения армии Фламиния с Римом.

Прознав об этом, плебейский консул тут же начал преследование врага, и Ганнибалу удалось лишь чудом уклониться от сражения с ним. Исключительно благодаря чистой случайности Ганнибалу удалось оторваться от Фламиния, да и то, всего лишь на один дневной переход.

Тем не менее, получив необходимое время, он успел расположить своё войско в долине, что находится между северным берегом Тразименского озера и холмов к северу от озера.

Дав войску необходимый после столь длительного марша отдых, он сразу же после этого расположил своих солдат у холмов, в стороне от дороги, пролегавшей вдоль ранее уже упомянутого северного побережья озера.

Грамотно организовав засаду, он сумел застать врасплох Гая Фламиния, войско которого, как уже было ранее, находилось в походной колонне и не успело развернуться в боевые порядки.

Разумеется, в результате этого карфагенянам удалось оттеснить врага к самому берегу озера, в которое римляне и стали сваливаться под мощным натиском солдат Ганнибала.

Конечно же, консул попытался выправить положение, как-то спасти армию и вырваться с ней, но всё было бестолку. Карфагеняне превосходили своего противника числом и потому сумели удержать даже столь грозного врага, как римляне, внутри ловушки, прежде чем стал наступать вечер.

С наступлением последнего Ганнибал специально открыл врагу путь для отступления, после чего римляне послушно устремились в очередную ловушку.

Римские пехотинцы, гораздо более медленные, чем вражеская конница, разумеется, стали для неё лёгкой добычей, и лишь наступление ночи спасло римлян от практически полного уничтожения.

Таким образом, Рим вновь потерпел тяжелейшее поражение, однако на этот раз он потерял двадцать пять тысяч солдат погибшими и девять тысяч пленными. Притом, что изначально в римском войске было всего лишь сорок две тысячи солдат.

В то же самое время, карфагенский полководец, потеряв в ходе тяжелейшего четырёхдневного

перехода через лесистую и болотистую местность восемнадцать тысяч солдат, подошёл к сражению с армией в пятьдесят пять тысяч пехотинцев и одиннадцать тысяч всадников.

Потеряв в ходе сражения три тысячи солдат, он вышел победителем из сражения с армией в пятьдесят три тысячи пехотинцев и десять тысяч всадников. Разумеется, это не считая раненых, подлинное число которых мне неизвестно.

То есть, приятно конечно, что он разгромил консульскую армию, но стоили ли тридцать четыре тысячи римлян двадцати одной тысячи карфагенян и его собственного глаза, потерянного во время перехода по болотам из-за воспаления?

Полагаю, да, если судить чисто математически, но всё же стоит принять во внимание то обстоятельство, что теперь, когда он покинул Цизальпинскую Галлию и лишился морского превосходства, получение подкреплений для него стало проблематичным.

То есть, если враг компенсировать свои потери мог без особых проблем, то вот он, потеряв лишь на треть, или около того, меньшее число людей, восполнить свои потери, при этом, если и мог, то с трудом.

Хотя, не мне его судить – я то при переходе большой соляной пустыни потерял не меньшее число...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2383806>